

О. В. Лукин**Теории частей речи в странах древнего и средневекового Востока**

В статье рассматриваются предпосылки появления и особенности теорий частей речи в странах древнего и средневекового Востока. Основное внимание уделено буддийской философии-психологии и брахманской грамматике в Древней Индии, арабской языковедческой традиции VII–XIV вв., грамматическому искусству Армении V–XVIII вв. и великому персидскому ученому Аль-Фараби (IX–X вв.). Автор анализирует характер влияния античной философской и филологической традиции на становление теорий частей речи в странах древнего и средневекового Востока.

Ключевые слова: теория частей речи, буддийская философия-психология, брахманская грамматика, арабская языковедческая традиция, грамматическое искусство Армении, Аль-Фараби.

O. V. Lukin**Parts of Speech Theories in the Countries of the Ancient and Medieval East**

The article considers the ancient and medieval parts of speech theories of the East. It describes the background conditions for their origin and peculiarities. The study focuses on philosophy-psychology of Buddhism and Brahman grammar of ancient India, the Arabian linguistic tradition of the VII–XIV centuries, the V–XVIII century Armenian grammar art and the works by the prominent Persian Philosopher Al-Farabi (IX–X c.). The author analyses the effect of the ancient philosophical and philological traditions on the development of the parts of speech theories of the ancient and medieval East.

Keywords: parts of speech theory, philosophy-psychology of Buddhism, Brahman grammar, Arabian linguistic tradition, Armenian grammar art, Al-Farabi.

1. Введение

Изучение истории теории частей речи в странах древнего и средневекового Востока представляет значительный интерес уже потому, что оно имеет немалое значение для преодоления европоцентризма и улучшения общих основ научного знания (ср. [6, с. 3]). Изучение частеречных теорий в различных языках и культурах Востока может показаться тем более интересным, что позволяет посмотреть на весь комплекс проблем этой теории иным взглядом, взглядом, не отягощенным двухтысячелетним грузом стереотипов, или, во всяком случае, отягощенным стереотипами иного порядка, иного культурного круга.

Впрочем, немало из этих предположений окажутся ложными, так как восточные теории, которые описывали части речи в их современном понимании, были так или иначе связаны с античной традицией. К тому же, как справедливо отмечает В. М. Алпатов, и сама степень

развития грамматики в различных традициях также неодинакова, что непосредственно связано с типологическими характеристиками того или иного языка: «Большинство традиций, кроме китайской, связаны с языками, имеющими богатую морфологию. ... Поэтому центральное место грамматики, прежде всего морфологии, в самых разных традициях закономерно» [1, с. 30].

2. Части речи в индийской буддийской философии-психологии и брахманской грамматике

К изучению языковых проблем древних индийцев привели практические потребности изучения вед с целью сохранения их в неизменном виде, сохранения традиции их понимания и использования в ритуальных целях. Такое положение дел противопоставляется «...как старому европейскому пониманию языка как номенклатуры или множества наименований,

так и новейшему толкованию его как системы знаков» [11, с. 157]. При этом важно отметить, что полностью не совпадают даже само понятие «предложение» в западной языковедческой традиции и термин «вакья» в индийской лингвистике (особенно как его трактует знаменитый грамматист Бхартрихари) (см. [9, с. 76]). Основная позиция Бхартрихари следующая: «...предложение или высказывание (скр. «vākya») это единственно реальная единица речи. Предложение неделимо, а слова, которые якобы могут быть из него извлечены, это мнимые части, которые не способны передавать никакого содержания в отрыве от высказывания как целого. Смысл высказывания постигается не через отдельные смыслы этих мнимых единиц, а тоже как целое и неделимое, как ментальный акт интуитивного прозрения (pratibhā)» [14, с. 103].

Вопросами языка в Индии занимались две дисциплины: буддийская философия-психология и брахманская грамматика. В методологии, которая была единой для этих двух дисциплин, воедино были слиты три составляющие: собственно метод познания, рефлексия этого метода и способ текстуального представления результатов познания. При этом трудно сказать, кому действительно принадлежит приоритет в ее разработке: грамматистам или философам. Существует мнение, что эту методологию разрабатывали первые, так как для описания языка она подходит больше, чем для программы-теории переустройства психики. Основное отличие метода индийских грамматистов от европейской науки в том, что вопрос «зачем изучать?» ставился изначально, тогда как в европейской науке к нему пришли значительно позже. При этом индийские ученые ничего не делали из чистого любопытства, исследования проводились с конкретной целью и для определенного адресата: цель грамматистов – обеспечение чистоты сакрального языка и понимания вед, ср.: «...буддийская философия-психология и брахманская грамматика имеют по два попарно сходных наименования, относящихся к используемому ими методу. Это

совсем не случайно: примененная в этих двух дисциплинах методология, в которой неразличимо слиты собственно метод познания, рефлексия этого метода и способ текстуального представления результатов познания, в основных своих чертах действительно одна и та же. Приоритет в ее разработке принадлежит, по всей вероятности, грамматистам, а не буддийским философам, поскольку для описания языка она подходит больше, чем для программы-теории переустройства психики. ...Индийцы никогда не изучали чего бы то ни было из чистого любопытства. Если создается или уже имеется комплекс специального знания, то всегда известна цель – социальная или индивидуально-психологическая – его создания, известен и адресат, который должен воспринять это знание. С самого начала теория строится с ориентацией только на эту цель и только на этого адресата. Вопрос “как это на самом деле?” не имеет для традиционного индийца смысла в отрыве от вопросов “для кого?” и “зачем?”. Абхидхармисты изучают не психику вообще, а психику в видах ее преобразования... Грамматисты занимаются языком не просто так, а обеспечивают чистоту сакрального языка и понимание вед» [11, с. 160].

Неудивительно, что грамматика Панини, один из первых трудов индийцев, посвященный, как принято считать, вопросам изучения языка, в действительности таковым не был, он не был лингвистической теорией ([10, с. 81]). Известнейший индийский грамматист Панини (5 в. до н. э.) – почти на столетие раньше Платона – различал в санскрите категории, которые мы сейчас назвали бы *именем* и *глаголом*, как категории *субъекта* и *предиката логического суждения*. Кроме этих двух грамматист выделял еще две части речи, которые приблизительно соответствуют нашим терминам *предлог* и *частица*.

Вокруг «Восьмикнижия» Панини создавалась впоследствии так называемая комментаторская литература, к наиболее значительным произведениям которой относятся «Дополнения» Катьяяны (III в. до н. э.), «Великий ком-

ментарий» Патанджали (II в. до н. э.), «Бенаресский» Ваманы и Джаядитьи (VII в.), «Освещение» Нагешы (XVIII в.). Классификация слов по частям речи в этих произведениях была унаследована от традиции пратишакхьев: *имя, глагол, приставка-предлог и частица* (см. [12, с. 178], [3, с. 7]).

3. Арабская языковедческая традиция о частях речи

К важнейшим причинам появления и развития арабской традиции языкознания следует отнести гордость арабов чистотой и богатством языка и исключительное трудолюбие арабских ученых по собиранию, систематизации и изучению языковых фактов, ср: «Как показывает исторический опыт, зарождение науки о языке стимулируется наличием различий между языками (диалектами), между двумя историческими периодами в развитии одного и того же языка. ... При более подробном ознакомлении с историей арабской культуры представляется удивительным, как высоко арабы ценили чистоту и богатство своего языка и сколько труда было затрачено арабскими учеными на собирание, систематизацию и изучение языковых фактов. Но эти обстоятельства имеют свои социальные и исторические корни» [8, с. 8]). Арабская лингвистическая традиция существовала на протяжении VII–XIV вв. на всей территории арабского халифата в нескольких центрах – басрийской (г. Басра), куфийской (г. Куф), багдадской (г. Багдад), андалусийской (Испания) и египетско-сирийской школах. Основная задача этих школ – прикладная, то есть обучение языку Корана и сохранение его чистоты (см. [4, с. 39]).

При историческом обзоре средневекового арабского языкознания и всего того, что относилось в этот период к частеречной теории, невольно обращают на себя внимание некоторые исторические параллели. Так, небезынтересен самый факт того, что «...с первых же веков ислама изучение арабского языка занимает особое место и филология становится одним из почетнейших занятий выдающихся ученых

средневекового Востока» [2, с. 53]. Правители Халифата особенно интересуются лингвистическими штудиями и инициативу создания грамматики арабского языка приписывают халифу Али (656–661 гг.). Его современник Абу л-Асуад ад-Ду али, которого считают основоположником языковедческих исследований, занимался этими проблемами, так как «...был обеспокоен тем, что люди, незнакомые с правилами арабского языка, стали искажать литературный язык; особенно болезненно воспринимались искажения, допускаемые при чтении Корана, ведущие к искажению смысла священного писания» [2, с. 54]. Среди других вопросов языка Абу л-Асуад ад-Ду али разработал деление частей речи на *имя, глагол и частицы*, ср.: «В области грамматики арабские ученые вслед за Аристотелем выделяли три части речи: имя, глагол и частицы» [3, с. 15]. Ср. также: «В морфологии рассматривались части речи и особенности их формообразования, не обусловленные синтаксически. Сюда относились такие вопросы, как части речи (имя, глагол и частицы до 27 видов)...» [13].

Можно полагать, что самый факт того, что в принятом арабскими учеными делении на части речи хорошо узнается аристотелевская триада, можно объяснить не только огромным значением Аристотеля для арабского Востока, но и широким контекстом взаимосвязей древних и средневековых культур. Арабское языкознание появилось не в изоляции от других традиций, оно впитало в себя достижения других народов, стараясь применить их к материалу арабского языка. Новые факты и новые идеи, появившиеся на этой основе, способствовали дальнейшему развитию науки о языке, ср.: «...было бы странным ставить лингвистику в особое, искусственно изолированное положение и приписывать создание ее целиком арабам. ... Она впитала в себя достижения других народов в этой области, постаралась применить их к материалу арабского языка и потребностям арабской культуры и в процессе этого усвоения и применения ввела в научный оборот и новые факты, и новые идеи, чем способ-

ствовала дальнейшему развитию лингвистики» [8, с. 19–24].

Кроме того, и сами грамматики в арабской традиции были не тем, что представляли собой греческие или индийские грамматики: под грамматикой у арабов понимался конгломерат отдельных замечаний по языковым частностям классических цитат, ср.: «То, что у арабов понималось под грамматикой, первоначально состояло из конгломерата отдельных замечаний по языковым частностям классических цитат» [8, с. 25]. И сама грамматика не была ведущим аспектом арабского языкознания и в этом не могла соперничать с лексикологией, ср.: «Ведущим аспектом в арабском языкознании была, пожалуй, не фонетика и даже не грамматика, а лексикология» [8, с. 42]. И в парадигме арабской науки грамматика занимает иное место, чем в средневековой Европе: так, в первом словаре арабского языка «Книга Айна» Халили ей отводится отдельная глава после законовения и мусульманского богословия и перед делопроизводством, поэзией и историей, ср.: «Проводимая в нем (в первом словаре арабского языка “Книга Айна Халили”. – О. Л.) классификация наук имеет следующий вид. Всеобъемлющая философия включает в себя два основных раздела – теоретический и практический. Отделов теоретической философии три: наука о природе, математические науки и наука о боге. Математических наук четыре: арифметика, геометрия, астрономия и музыка, иными словами, известный *quadriūm* средневековой Европы. Наука о боге не членится на подразделы. Химия (или, точнее, алхимия), медицина и некоторые другие дисциплины составляют науку о природе. Что касается практической философии, то она делится на этику, экономику и политику. Средневековый *trivium* из грамматики, риторики и диалектики оказывается рассеянным: грамматике отводится отдельная глава после законовения и мусульманского богословия и перед делопроизводством, поэзией и историей. Риторика и диалектика включены в главу о логике» [8, с. 46].

У великого Сибавейхи, ученика Халили, ко-

торый в своем обширном труде «аль-Китабу» подвел определенный итог всех предыдущих грамматических разработок басрской школы (см. «Главной заслугой Сибавейхи является то, что он в своем чрезвычайно обширном труде “аль-Китабу” (то есть “Книга”) дал итог всех предыдущих грамматических разработок басрской школы...» [8, с. 47]), совершенно явственно чувствуется влияние Аристотеля, ср.: «Слова в арабском делятся на имя, глагол, частицы. Подчеркивая различия между ними, Сибавейхи говорит, что характерным признаком для имени является *ḡaḡ* (окончанию родительного падежа), а для глагола *ḡazm* (окончание условного наклонения), частицы же нефлектируемы вообще» [2, с. 75].

Трехчленная система частей речи «имя, глагол, частица» прочно утвердилась в арабском языкознании со времен Замахшари, и сама эта схема вмещает в себя разнообразные грамматические явления. Эти три «части речи» являются предметом грамматического описания, где главное внимание уделяется флексии (ср. [8, с. 72]).

Важным для истории частеречной теории представляется и тот факт, что различные части речи находили свое место как разделы восточных глоссариев, в которых слова сгруппированы тематически. Так, в одном из интереснейших памятников среднеперсидской лексикографии, авестийско-пехлевийском словаре "Frahan-i ōlm ēvāk" наряду с главами «О грехах и пороках», «О религиозных обычаях», «О свойствах людей и об их деятельности» значительная часть глав посвящена тому, что мы сейчас назвали бы частями речи, ср.: «Количественные и порядковые числительные», «Местоимения 2 л. мн. ч.», «Прилагательные с приставкой *hu*», «Союзы», «Относительные местоимения», «О наречии "yavata"» (см. [5, с. 98]). Аналогичным образом в словаре "Frahan-i Pahlavīk" мы находим главы с названиями «О глаголах», «О местоимениях», «О служебных словах», «О прилагательных», «О числительных», «О разных словах» (см. [5, с. 103–104]).

4. Грамматическое искусство Армении о частях речи

Как известно, труды, так или иначе касающиеся проблемы частей речи, создаются на Востоке в связи с практическими потребностями, прежде всего, школьного преподавания и религиозного культа. В Армении уже начиная с V в. н. э. начинают появляться работы по грамматике, понимаемой как *грамматическое искусство*. Работы эти, как и словари, глоссарии, труды по ораторскому искусству и т. п., удовлетворяли прежде всего практическим потребностям школ «...в обучении языку, чтении и понимании оригинальных и переводных книг, в нормализации и унификации языка, обогащении словарного запаса и выработке умения разнообразно выражать мысли, а также грамотно переписывать рукописи...» [7, с. 7].

Впрочем, влияние античной грамматики не могло не сказаться и в Армении, где первые два периода развития грамматики в течение V–XVIII вв. находились всецело под греко-римским влиянием. Третьим периодом (XIX в.) считается период преодоления этого влияния (ср. [7, с. 20]). В начале первого периода речь шла о переводах и толкованиях «Грамматического искусства» Дионисия Фракийца (Давид, Мовсес, Аноним, Степанос Сюнеци (VIII в.), Амам Аревелци (XI в.)). В XI в. за ними последовала грамматическая компиляция Григора Мартироса. Если в первые два периода части речи (как части речи вообще, так и части речи армянского языка) рассматривались сквозь призму античных грамматик (что, впрочем, было весьма характерно для всего развития языкознания), то и в третий едва ли произошли существенные изменения. Появившаяся в 1779 г. в Венеции на армянском языке «Грамматика армянского языка» Микаэла Чамчяна, известного историка XVIII в., окончательно освобождает от латинизмов и рационалистических нововведений грамматику древнеармянского языка (грабара) [7, с. 43].

5. Персидские классификации частей речи

О значительном влиянии античной теории

частей речи можно говорить и на примере Персии. Выдающийся персидский ученый Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби ат-Тюрки, более известный как Аль-Фараби (ок. 870–950 гг.), был автором комментариев к трудам Платона и Аристотеля и оригинальным интерпретатором аристотелевской частеречной триады: «В то время как традиционно эта классификация проводилась чисто логически, Аль-Фараби выясняет положительное значение каждой "части речи". При этом важнейшим, хотя и не определенным логическим инструментом его становится значение возможности, потенциальности. Рассуждая об имени, Аль-Фараби характеризует его значение как могущее быть абстрактным или конкретным, единичным или общим» [5, с. 108].

По мнению Л. Г. Герценберга и Д. Саймидинова, его логическая классификация частей речи восходит в основном к древнегреческим концепциям – концепциям Аристотеля и Теофраста, ср.: «ağzā al-aqāwīl = μέρη λόγου "часть речи" в расширенном понимании, служат для образования высказывания (qawl: λόγου), чисто грамматически рассматриваемого как предложение (kalam), состоящее из слов (kalimat); термин kalimat, однако, двузначен, так как в логике он обозначает предикат» [5, с. 111].

6. Выводы

Из рассмотренных фактов невольно напрашиваются некоторые выводы, небезынтересные, на наш взгляд, для понимания истории частеречной проблематики:

1. Многие лингвистические традиции испытали на себе очевидное влияние греческой и римской традиций, от которых они едва ли могли освободиться. То, что семена античной традиции, к примеру, в Армении, пали на благодатную почву, вполне объяснимо типологическими особенностями этого индоевропейского языка.

2. Частеречные концепции чаще всего возникали вследствие практических потребностей, связанных с трактовкой религиозных текстов и обучением языкам.

3. Частеречная проблематика во многих восточных культурах возникла в русле философии, для решения философских проблем, при помощи философских методов и с философской терминологией.

4. Выделение в значительном количестве восточных культур частей речи, сопоставимых с греческими *ὄνομα*, *ῥῆμα*, *σύνδεσμος*, не только свидетельствует об общих философских первоисточках трактовки частей речи в разных культурах, но и является достаточным свидетельством общих черт человеческого языка.

5. Перемещение акцентов с философско-логического на лингвистический (морфологический и синтаксический) параметры частей речи – это также одна из важных закономерностей становления и развития частеречной теории в разных культурах.

6. Отсутствие какой бы то ни было согласованности между критериями выделения частей речи – одна из важнейших черт частеречной теории – очевидно проявлялось уже на самых ранних стадиях развития частеречных теорий в разных культурах уже в силу самого прикладного, зависимого характера этих теорий, их нацеленности на решение конкретных философских, логических, психологических или методических задач.

7. Существующая традиция теории частей речи, или, лучше сказать, различных вариаций теории частей речи, есть не что иное, как попытка индоевропейской интерпретации частей речи всех языков мира. Грамматическая схема, которая складывалась в античную эпоху от философов Платона и Аристотеля до александрийских филологов, – это закрепление той философской трактовки того языка, на основе которого эта теория сложилась. Сейчас лингвисты пытаются освободиться от данной точки отсчета, хотя сделать это невероятно трудно.

8. Многочисленные указания на привязанность языковой действительности к логической схеме и логической схемы к языковой действительности – это квинтэссенция тех достоинств и, вместе с тем, тех недостатков, которые традиционная теория частей речи донесла до нас

из античности. Рассмотрение сквозь призму этой схемы языков другого строя – не только насилие над этими языками, но и в чем-то насилие над здравым смыслом. Однако это насилие было в известном смысле неизбежно: если бы представители языков с ведущими чертами, например, инкорпорации, две или более тысячи лет назад создали свою философию, логику и свою взаимосвязанную с ними схему частей речи в том же историческом контексте, как это было у греков, то, возможно, и на известные нам индоевропейские языки мы сейчас смотрели бы сквозь призму категорий такой философии, такой логики и такой системы частей речи, воспринимая это как нечто само собой разумеющееся. Но, поскольку этого не произошло, приходится признать, что доставшаяся нам греко-римская система частей речи была, есть и, очевидно, еще долго будет оставаться единственной точкой отсчета, с которой не могут не считаться лингвисты при описании – прежде всего, грамматическом – самых разных и непохожих друг на друга языков.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 368 с.
2. Ахвледиани, В. Г. Арабское языкознание средних веков [Текст] / В. Г. Ахвледиани // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л. : Наука, 1981. – С. 53–95.
3. Березин, Ф. М. История лингвистических учений [Текст] / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1975. – 304 с.
4. Габучан, Г. М. Арабская языковедческая традиция [Текст] / Г. М. Габучан // Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 39–41.
5. Герценберг, Л. Г. Лингвистическая мысль и языковедческая практика в Иране в домонгольское время [Текст] / Л. Г. Герценберг, Д. Саймиддинов // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л. : Наука, 1981. – С. 96–114.
6. Десницкая, А. В. Предисловие [Текст] / А. В. Десницкая // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л. : Наука, 1981. – С. 3–6.

7. Джаукян, Г. Б. Языкознание в Армении V–XVIII вв. [Текст] / Г. Б. Джаукян // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л. : Наука, 1981. – С. 7–52.
8. Звегинцев, В. А. История арабского языкознания (краткий очерк) [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1958. – 80 с.
9. Иванов, В. П. Определение предложения: ранняя миманса и вякарана [Текст] / В. П. Иванов // История философии. № 11. – М. : ИФ РАН, 2004. – С. 76–86.
10. Катенина, Т. Е. Лингвистические знания в древней Индии [Текст] / Т. Е. Катенина, В. И. Рудой // История лингвистических учений. Древний мир. – Л. : Наука, 1980. – С. 66–92.
11. Парибок, А. В. О методологических основаниях индийской лингвистики [Текст] / А. В. Парибок // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л. : Наука, 1981. – С. 155–176.
12. Парибок, А. В. Индийская языковедческая традиция [Текст] / А. В. Парибок // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой (гл. ред.). – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 177–178.
13. Сусов, И. П. История языкознания [Электронный ресурс] / И. П. Сусов. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/141.susov/source/worddocuments>, свободный.
14. Тавастшерна, С. С. Терминология «силы» в трактате «Вакьяпадия» Бхартрихари [Текст] / С. С. Тавастшерна // История философии, № 11. – М. : ИФ РАН, 2004. – С. 94–112.